

Инструмент культурного и духовного обустройства жизни

Лев СКВОРЦОВ, проректор Литераторного института им А.М. Горького, доктор филологических наук, профессор, член союза писателей России

Состояние русского языка в наши дни вызывает общую озабоченность. Упрёки и претензии идут от писателей и журналистов, от педагогов и актеров, общественных деятелей, специалистов-языковедов, от рядовых любителей и ценителей классической русской речи.

Социальные сдвиги нашего времени, связанные с условиями переходного периода, изменениями в структуре общественно-политического строя, сменой форм собственности и состава активных участников коммуникации (включая бизнесменов и коммерсантов из числа «новых русских»), приводят к известному расшатыванию традиционных литературных норм. Это выражается прежде всего в росте разного рода ошибок и вариантов, возникающих под влиянием нелитературного просторечия, территориальных и социальных диалектов и полудиалектов, в обилии новых (и не всегда оправданных) иностранных слов и терминов и, наконец, в стилистическом снижении современной устной и письменной речи, в заметной вульгаризации бытовой сферы общения, с настойчивыми попытками «олитературивания» грязного матерного слова.

В условиях демократизации и гласности последних лет во многом обнажилась и как бы открылась сама наша речь. Ведь мы теперь гораздо больше, чем прежде, видим и слышим, каким языком пишут и говорят современники, как они выражают свои мысли и аргументы, как ведут дискуссии, как владеют литературными нормами.

Известная «обнажённость» речи, её смысловая, стилистическая, грамматическая и орфоэпическая ущербность вызывают живую и резко негативную реакцию со стороны образованной части общества, делают актуальными и острыми вопросы: «Как мы говорим и пишем?», «Правильно ли мы говорим по-русски?», «Знаем ли мы свой родной язык?»

Научная нормализация языка проходит в постоянной борьбе с двумя крайностями: пуризмом (от лат. *purus* — «чистый»), с одной стороны, и антинормализаторством — с другой.

Пуризм — это неприятие, решительный отказ от любых новшеств или изменений в языке и даже консервативное их запрещение — по мотивам логическим, эстетическим, идеологическим, национально-охранительным или сугубо вкусовым. Что касается антинормализаторства, то оно представляет собой преклонение перед стихией языка, отрицание возможности сознательно вмешиваться в речевую практику, воздействовать на язык. Как известно, крайности всегда сходятся: в основе и пуризма, и антинормализаторства — научный нигилизм, субъективный языковой вкус.

Между тем к литературным нормам языка, к оценкам его фактов с точки зрения правильности-неправильности нельзя подходить по-любительски, с позиций чисто вкусовых оценок и привычек или отвлечённых теоретических рассуждений. Только на основе тщательного изучения истории литературного языка и всестороннего анализа его современного состояния и функционирования можно делать объективные выводы о тенденциях развития литературных норм, научно направлять и регулировать это развитие.

Большой вклад в повышение речевой культуры, в развитие её теоретических проблем внесли российские учёные В.И. Чернышев, Д.Н. Ушаков, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, С.П. Обнорский, Г.О. Винокур, Р.И. Аванесов, А. М. Пешковский, Л.В. Щерба, Ф.П. Филин, Б.Н. Головин, Р. А. Будагов, В.Г. Костомаров и др. Труды этих учёных помогают сохранять достигнутую высоту языка, не отрывать его от живых народных корней и незамутнённых истоков.

В условиях новых методов хозяйствования и перехода к рыночным отношениям русский язык видоизменяется. В нём широко и обильно появляются новые слова и возрождаются старые, полузабытые: *акция, меценат и спонсор, приватизация, бартер, предприниматель, фермер, бизнес и бизнесмен, биржа, менеджер, коммерсант, маркетинг, демпинг, инве-*

стиции и многие другие. Можно полагать, что в русском языке наших дней активно формируется новый функциональный стиль — бизнеса и коммерции, товарно-денежных отношений. И это тоже яркая речевая примета современности.

В общественно-политической деятельности наших дней начали активную жизнь слова *парламент* (с производными *парламентаризм*, *парламентарий* и др.), *легитимность*, *консенсус*, *альтернатива*, *электорат*. Новые отношения с другими странами отражены в таких словах и выражениях, как *общеевропейский*, *межрегиональный*, *евразийский* и *евразийство*, *политический диалог*, *мировое сообщество* и другие.

Нормы литературного языка — не застывшие раз и навсегда формы. Они изменяются во времени. Однако следует подчеркнуть, что при всех возможных изменениях и сдвигах русский язык устойчиво сохраняет в веках свою нормативно-литературную основу. Система литературных норм, выдвинутая и описанная ещё М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике» (1755 г.), определила всю дальнейшую судьбу русского языка и в целом сохраняется до нашего времени.

Закономерное развитие языка, его творческое обогащение надо отличать от засорения и обеднения. А засоряет и обедняет его всё то, что искажает и огрубляет, стилистически нивелирует и нашу повседневную речь, и язык художественной литературы, и речевую практику средств массовой информации — прессы, радио и телевидения. Сюда относятся, например, канцеляризм и штампы речи, многие жаргонные и грубо-просторечные слова, ненужные заимствования из других языков, неуместные профессионализмы, неоправданные поэтизмы («высокие» слова) и, конечно же, случаи неграмотного, неправильного или неточного употребления слов.

Возьмём проблему заимствований. Она для языка и речевой культуры вроде бы и старая, но в то же время вечно новая и острая. В мире практически нет языков, которые не имели бы иноязычных слов. Это и понятно. Ведь взаимодействие языков — это взаимодействие и взаимообогащение культур разных народов. Но следует различать заимствования уместные, необходимые, обогащающие родной язык новыми идеями и понятиями, и заимствования ненужные, неоправданные, не привносящие в речь ничего нового по сравнению с исконными словами и, следовательно, засоряющие её. В научных трудах или в языке бизнеса не обойтись без многих иноязычных по происхождению терминов. Но в обиходной речи или в публичных выступлениях они могут вызвать непонимание, неясность. К тому же большинство из них легко заменить словами русского языка. Чем, скажем, *спонтанный* лучше *случайного* или *непреднамеренного* и *самопроизвольного*? Или *паритет* часто употребляют вместо *равенство*, *равноправие*. *Имидж* вместо *образ*, *облик*. *Эксклюзивный* вместо *исключительный*. *Деструктивный* вместо *разрушительный*. И т. д. и т. п. А уж такие сочетания стилистически несовместимых слов, как *спикер думы*, *глава администрации*, *супрефект округа*, живо напоминают беспощадную грибоедовскую (устаи Чацкого) оценку «смешенья языков — французского с нижегородским»!

Наша повседневная речь, к сожалению, становится грубой, стилистически сниженной. И, как это ни парадоксально, причина здесь — в тех же новых демократических условиях свободы слова и гласности. В газетах и журналах последних лет мы привыкли встречать то, что раньше слышали только от активных носителей молодёжного жаргона (сленга), от деклассированных городских низов, уголовных элементов. А сейчас *тусовки*, *разборки*, *наезды*, *балдёж*, *беспредел*, *на халяву*, *лапшу на уши вешать* поселились на страницах молодёжных газет и иных изданий, следовательно, так или иначе входят в нашу речь, влияют на неё. Даже в публичных выступлениях народных избранников с высоких общественных трибун можно услышать такие просторечные и жаргонные слова и выражения, как *чернуха*, *драчка за власть*, *тусоваться*, *перекрыть кислород*, *в законе*, *мозги пудрить*, *нахапать*, *обмазать*, а иногда что-нибудь и похлеще.

Ораторы, очевидно, полагают, что высказались живо и ярко, демократично, по-новому, «по-народному». На самом же деле они проявили неуважение к слушателям и показали своё неумение найти подходящие для ситуации слова. Ведь демократия и дисциплина,

права и обязанности в цивилизованном и правовом обществе неотделимы друг от друга. Как неразделимы профессионализм, компетентность человека и его культура, духовный мир. Это в той же мере относится к языку и стилю выступающих, к их лингвистической компетентности, требованиям элементарной грамотности.

Давно уже стали расхожим анекдотом, бродячей шуткой такие ошибочные ударения, как *нАчать*, *прИнять* и *углУбить*. Теперь к ним добавились *средствА* и *хозяевА* (вместо правильных *срЕдства* и *хозЯева*), *упорядочЕние* (вместо *упорядочение*), *сОзыв* (вместо *созЫв*), *осУжденный* (вместо *осуждЁнный*), *Искони* (вместо *исконИ*), произносительные ошибки типа *инциНдент*, *будуЮщий*, *констаНтировать*, *компромеНтировать* и другие. А такие устойчиво неправильные ударения, как *обеспечЕние*, *упрочЕние*, *облЕгчить*, *стОрицей*, *внЕсенный* и *перенЕсенный*, *Эксперты*, *бОязнь*, *прИрост*, или слова-уродцы типа «*закорми*» (вместо *закрома*) и «*волеизлияние*» (вместо *волеизъявление*) стали чуть ли не нормой нашей парламентской речи. Подчеркну, впрочем, что именно парламентской, «трибунной» речи, но отнюдь не общелитературной, не образцово-нормированной.

Процессы снижения стиля речи, её вульгарного огрубления далеко не новы, они характерны для периодов общественных переворотов, революций, радикальной демократизации укладов жизни и общения людей. Так было и после Великой французской революции, так же было и у нас после 1917 года.

В наши дни радикальных перемен проявляются сходные языковые процессы, но есть существенные различия в самом их содержании. В послереволюционной эпохе 20-х годов легко увидеть идеологическую подоплёку, желание классово противопоставить «пролетарский» язык «интеллигентно-буржуазному», монархическому. Что же касается наших дней, то наблюдаемые ныне снижение стиля и огрубление речи следует объяснить скорее невысоким уровнем речевой и общей культуры становящихся хозяевами жизни «новых русских», с их коммерческим прагматизмом и заниженными представлениями о моральных и нравственных идеалах человека.

В самом деле: чем иным, как не падением уровня нравственности, можно объяснить широкое вхождение в бытовую и публичную речь слов и выражений из жаргона уголовных «малин», тюрем и лагерей? *Шмон*, *общак*, *наехать*, *опустить*, *отмазать*, *закосить*, *обуть*, *наколоть*, *прокрутить динамо*... Эти отдельные словечки, бездумно используемые нашими современниками для «выразительности» речи, несут в себе заряд психологии и мировоззрения уголовного мира — «паханов» (хозяев) и «шпаны» (их рабов, подчинённых), «штырей», «сявок», «шестёрок», «шушеры» и т. п. Иллюзорная живость речи оборачивается бездуховно-рабским подчинением говорящих (и слушающих!) мировоззрению, миропониманию и психологии антиобщественного толка. **И в этом смысле жаргон очень опасен.**

Говоря о лингвостилистической стороне вульгаризации языка, уместно напомнить слова академика Л. В. Щербы о стилистической языковой перспективе, о «богатстве готовых возможностей выражать разнообразие оттенки». Стилистически неразборчивое и подверженное вульгаризации речевое употребление разрушает выразительную структуру языка. В статье «Современный русский литературный язык» (1939 г.) Л. В. Щерба писал об этом так: «Литературный язык принимает многое, навязываемое ему разговорным языком и диалектами, и таким образом и совершается его развитие, но лишь тогда, когда он приспособил новое к своей системе, подправив и переделав его соответствующим образом.

Но беда, если разнородное, бессистемное по существу новое зальёт литературный язык и безнадежно испортит его систему выразительных средств, которые только потому и выразительны, что образуют систему. Тогда наступает конец литературному языку, и многовековую работу по его созданию приходится начинать сызнова, с нуля. Так было с латинским языком, когда на его основе стали создаваться современные романские языки».

Не дай Бог, конечно, увидеть нам конец русского литературного языка в результате разрушения его стилистической системы и смысловой структуры вульгаризмами, жаргонизмами, необоснованными иноязычными заимствованиями, а то и просто неумелым с ним

обращением. Может быть, хотя бы эта апокалиптическая угроза родному языку остановит нас всех, заставит задуматься, научит чему-то писателей, журналистов, учёных, педагогов, общественных деятелей, отцов государства? Хотелось бы в это верить.

Высокая культура речи; постоянная забота о её совершенствовании — важная часть общей культуры каждого из нас, одно из условий повышения культуры народа.

В современном русском литературном языке, как и во всяком живом, развивающемся языке, происходит интенсивное сближение традиционно-книжных средств выражения с обиходно-разговорной стихией, с социальными и территориальными говорами в их современном состоянии. Однако известное «раскрепощение» и обновление литературных норм не должно приводить к их разрушению, к стилистическому снижению самой речи, к её огрублению и вульгаризации.

В этих условиях нормативность, правильность речи приобретают особое и актуальное значение. В эпоху новейших технологий, всеобщей и полной компьютеризации, распространения видеотехники и других достижений современной цивилизации глубокое знание родного языка, владение его литературными нормами обязательно для всякого образованного человека и патриота.

Правильность речи — фундамент языковой культуры; без неё нет и не может быть ни литературного художественного мастерства, ни искусства живого и письменного слова. Но речевая правильность имеет и более широкое значение. Наша «среда существования» (в том числе и языковая, духовная) должна быть здоровой, очищенной от «вредных примесей». В этом смысле **повышение речевой культуры приобретает нравственный, общекультурный и воспитательный аспект.** Каждый из нас в ответе за здоровье языковой среды, которую мы должны сохранить для новых поколений в чистоте и свежести, в творческом обновлении и богатстве традиций.

Высокая культура языка, яркая и выразительная повседневная речь вместе с художественной литературой прошлого и настоящего, с общественной мыслью, наукой и экономикой — действенный инструмент культурного и духовного обустройства всей жизни. Без этого невозможно навести порядок в нашем доме, возродить великую Россию, укрепить право её народов играть заметную роль в современном мире.

От редакции: ознакомьтесь, пожалуйста, с правильным употреблением часто звучащих сегодня слов, которые взяты из словаря-справочника «Культура русской речи» Л.И. Скворцова.

Демократический — демократичный

Эти однокоренные слова различаются по своим значениям и по употреблению.

В значении «свойственный широким слоям народа» употребляется и слово *демократический* и слово *демократичный*. Например: *демократическое поведение* и *демократичное поведение*; *демократическое воспитание* и *демократичное воспитание*; *демократический подход* и *демократичный подход* и т. п.

В значении «доступный в обращении» (о человеке) применяется слово *демократичный*. Например: *демократичная личность*, *демократичный начальник*, *руководитель* и т. п.

В терминологическом значении «основанный на принципах демократии» употребляется только слово *демократический*. Например: *демократические реформы*, *демократические преобразования*, *демократический строй*, *демократическая партия* и т. п.

Район и регион

Слова *район* и *регион* хотя и оказываются в историческом родстве между собой, в современном русском языке различаются в значениях и употреблении достаточно чётко.

Существительное *район* восходит к французскому *le rayon* и имеет своим источником латинское слово *radius* — буквально «луч» или «окружность, описанная этим лучом, радиусом».

В современном русском языке слово *район* употребляется в трёх основных значениях: 1) «небольшая административно-территориальная единица в составе области, края, республики или большого города»;

2) «сравнительно небольшая территория, составляющая единое целое в каком-нибудь отношении»; например: *промышленные районы страны; район угледобычи; нефтеносный район* и т.п.; 3) «место, в пределах которого совершается или распространяется что-нибудь; средоточие чего-нибудь», например: *район эпидемии; район бомбежки; районы наводнения* и т. п.

Существительное *район* входит в гнездо однокоренных образований: *районный, районировать, районирование* и т. п.

Слово *регион* — сравнительно новое заимствование в современном русском языке. По своему происхождению оно связано с латинским *regio, regionis*, что значит буквально «страна, область, район». *Регион* — термин экономической географии, международных отношений, языка науки.

Если *район* — это всегда сравнительно небольшая территория, то *регион* — крупное, значительное пространство, охватывающее по природным и экономико-политическим условиям группу соседних государств и даже части континентов. Например: *арктический регион, африканский регион, субтропический регион, сибирский регион* и т.п.

Образованное по слову *регион* прилагательное *региональный* употребляется так же, как термин, например: *региональные организации, региональный пакт, региональное соглашение* и т.п.

По своей семантике существительное *регион* оказывается ближе к таким словам, как *зона, ареал, округ*, тогда как слово *район* имеет синонимы более конкретного характера: *место, участок, точка* и т.п.